

Франтишек Михина

***Джеймс. Привлекательность разумности
и защита „common sense”***

***James. The attractiveness of rationality
and the protection of “common sense”***

Keywords: *W. James, philosophy, “common sense”*

На арену западной философской мысли – в данном случае я имею в виду евро-атлантическое духовное и интеллектуальное окружение – в разных формах и под разными названиями иногда робко, иногда настойчиво выходило идейное наследие трёх весьма оригинальных американских мыслителей, Ч. С. Пирса, В. Джеймса и Дж. Дьюи – прагматизм. Это течение сформировалось более столетия назад, оно пережило многочисленные изменения и идейное развитие, основываясь на обоснованной критике, однако оставалось толерантным по отношению к различиям, которые спровоцировали не утихающую и поныне дискуссию о характере и содержании теории прагматизма. Так, можно согласиться с тем, что „идеи классического прагматизма в том виде, в котором их сформулировали Ч. С. Пирс, В. Джеймс и Дж. Дьюи, актуальны и сейчас, поскольку проблемы, которые находились в центре их внимания, остры и живы и поныне; проблемой для этих мыслителей была, прежде всего, проблема

отношений между наукой, научным мировоззрением с этикой и религией” [Mullinom, 1996: 545].

В данной статье интерес будет представлять анализ прагматической позиции или же позиции классических прагматиков по отношению к рациональности и рационализму, а также раскрытие характера их аргументации, с помощью которой они разъясняют свою позицию по отношению к субстанциально интерпретируемому рационализму, проявившемуся не только в современной философской мысли. Наибольшее внимание в данной статье я посвящу философской концепции В. Джеймса.

* * *

Свои многочисленные рассуждения о рационализме Джеймс начал с анализа задач и значения философствования. На часто задаваемые философам вопросы о том, что является их задачей, что они хотят предложить читателям своих трудов, почему они начали философствовать, большинство из них отвечает следующим образом: из-за стремления сформировать мировоззренческую систему, которая была бы более рациональна как единое целое, нежели чем хаотичная модель действительности. Прилагательное *рациональная* по отношению к действительности, по мнению многих, означает отсутствие неупорядоченности, хаотичности, незавершённости формулировок понятий.

Но как узнать, формирует ли созданная нами модель действительности её реальный образ? По мнению Джеймса и других прагматиков, полный ответ на этот вопрос мы не получим никогда, поскольку единственным возможным ответом на него является ответ о том, что признание того или иного предмета рациональным означает признание наличия в нём характерных черт, соответствующих предварительно сформированной нами модели, то есть, помещение их в рамки системы субъективной классификации в зависимости от того, как предметы, о которых мы думаем, влияют на

нас. Таким образом, рациональность рассматривается как возможность установления упорядоченности в соответствии с принципами определённых классификационных и типологических знаков, распределения предметов так, как мы их оцениваем, исходя из разновидности их воздействия на нас.

Прагматический вариант определения рациональности как инструмента, с помощью которого, мы мысленно формируем в наших мыслях представление о действительности, представляет собой прагматический метод. По мнению Джеймса, „прагматический метод, является, прежде всего, методом разрешения метафизических споров, которые без помощи этого метода никогда бы не завершились. Является ли мир монистическим или плюралистическим, свободным или несвободным, материальным или духовным – это понятия, каждое из которых может быть правильным или неправильным, а дискуссии о таких понятиях не закончатся никогда. Прагматический метод в таких случаях стремится объяснить каждое понятие, исходя из практических результатов. Какая практическая разница была бы для нас, если одно понятие было более практическим, нежели другое? Если практической разницы нет, тогда отдельные альтернативные понятия на практике означают один и тот же предмет, а вся совокупность является беспредметной. В случае более серьёзного спора, мы должны быть в состоянии доказать практическое различие, состоящее в том, что одна либо другая сторона спора права” [McDermott, 1968: 377]. Так Джеймс интерпретирует правило, которое появляется в философской литературе впервые в статье Пирса *Как объяснить наши идеи (How to make clear our Ideas, 1878)*.

Прагматический метод является основой прагматической позиции по отношению к рациональности и интеллектуализму. Хороший прагматик всегда обращается к фактам, к опыту. Действительный мир вместо того, чтобы быть постоянно готовым, постоянно пребывает сам в себе, являясь для нас неполным, а наш когнитивный

подход к нему не может заставить его остановиться: наоборот, он должен способствовать формированию представления о его изменчивости. Косвенно этот постулат подтверждает также развитие нашего знания и историчность каждой конкретной модели действительности. Стремление к субстанциализации действительности, таким образом, явилось бы своего рода воплощением историзма в философии.

Однако динамизм человеческого знания не всегда приобретает форму парадигматических изменений. Всегда что-то остаётся, старые убеждения продолжают иметь место и только корректируются с помощью совершенно нового опыта. Из наших „старых” предрассудков и убеждений мы выносим столько неизменного, сколько только сможем вынести..., таким образом, новые истины представляют собой сочетание нового опыта со старыми истинами и они все изменяются, а коль скоро в настоящее время взгляды изменяются именно так, то нет основания утверждать, что так не происходило всегда; действительно, давние способы мышления могли сохраняться в ходе всех последующих изменений человеческих взглядов; это вовсе не означает, что наиболее примитивные взгляды уже полностью искоренены..., наши предки в те или иные моменты могли столкнуться с такими способами мышления, которые они вовсе не стремились сформировать, но раз уж так произошло, то некий неизменный костяк остаётся; например, если вы начинаете играть музыкальное произведение в одной тональности, то вы должны доиграть его в этой же тональности, или вы можете изменять конструкцию своего дома как хотите, первоначальный архитектурный план всё равно остаётся, вы не сможете превратить готический собор в дорический замок” [McDermott, 1968: 419-420].

Таким образом, современная рациональность не представляет собой исключительно форму нашего актуального знания и видения мира – она содержит в себе старые филогенетические черты, которые мы совсем не обязательно осознаём, хотя многое свидетельствует о

том, что эти черты сохранились. Джеймс писал: „Итак, мой тезис таков: основные способы нашего мышления о предметах являются открытиями наших древних предков, способами, которые, смогли сохраниться с учётом опыта предыдущих эпох, в развитии человеческой мысли; они образуют важную ступень равновесия, ступень *common sense*... в обычном значении есть здравый смысл человека, его способность делать умозаключения, свобода от эксцентричности; в философии это означает нечто совсем иное, то есть использование проверенных интеллектуальных форм или категорий мышления” [McDermott, 1968: 420].

Прагматизм и его представители, включая Джеймса, склонны принимать эти давние формы, которые представляют собой некие архетипы нашей мыслительной деятельности. Это разумные процедуры, рациональность в них, несомненно, имела место, они сами были её воплощением. Однако они не формировали ту модель рациональности, которая была характерна для Декарта, то есть для картезианства и его многочисленных современных ответвлений и форм.

Здравый смысл постепенно вытеснялся рационализацией как нефилософский, наивный, некритичный и т.п. Джеймс утверждал, что это нанесло вред не только здравому смыслу, но и философии в целом. Прагматизм стремится преодолеть этот современный подход путём возвращения к признанию естественной позиции здравого смысла архетипом, который, несмотря на то, что мы используем его в тех же формах, что и наши далёкие предки, является гносеологической основой нашего знания. Так, например „космическое время и пространство, несомненно, не являются проявлениями интуиции, как это считал Кант; это такие же искусственные конструкции, как и все остальные; абсолютное большинство людей никогда не использует эти понятия, живёт во времени и пространстве, которые проникали друг в друга” [McDermott, 1968: 423]. Концептуализация как форма разумности, хотя и

обеспечивает упорядоченность бесконечно разнообразного и сложного и течения нашего опыта, но не затрагивает большую его часть, при этом имеет место сопротивление схематизации концептуализации, поскольку мы интуитивно чувствуем, что наш опыт пытаются поместить в тесные рамки рациональных схем мифического прокрустова ложа.

Таким образом, здравый смысл проявляется как „точно определённая стадия нашего понимания предметов, стадия, которая исключительно хорошо соответствует целям нашего мышления; предметы, хотя мы их и не видим, действительно существуют, существуют и их виды, то, с помощью чего они на нас воздействуют – это их свойства, они существуют одновременно с тем, чем воздействуем мы; они также существуют... в рамках нашего вида, они представляют собой лишь высококультурные индивидуумы, мысли, заражённые образованием, как называл их Беркли, которые иногда подозревают здравый рассудок в том, что он не является абсолютно истинным” [McDermott, 1968: 424].

Рационалистические отклонения приводили к постепенной деградации здравого смысла путём увековечивания его категорий: в этой перспективе отдельные предметы превратились в бытие или *ens*, они субстанциализировались до уровня носителя свойств и как таковые вошли в сферу интеллекта, который хорошо знает, что означает субстанция; стереотипизации подверглись формы, которыми человечество оперировало уже долгое время – они стали постоянными и определёнными. Однако в действительности „интеллект осознаёт ясно лишь слово и его номинативную функцию. Так уж случилось, что интеллектуалы *sibi permissi*, интеллектуалы лишь из любопытства покидают уровень здравого смысла во имя того, что мы можем в общем назвать уровнем критического мышления. Не такие интеллектуалы, как Хьюмы, Беркли и Гегели, практические же наблюдатели за фактами, Галилеи и Дальтоны утверждали, что наивное соблюдение естества здравого смысла не

может отождествляться с окончательной реальностью... Наука и критичная философия преодолели ограничения здравого смысла. Наивный реализм приходит в упадок вместе с приходом науки... С приходом критичной философии всё впадает в хаос" [McDermott, 1968: 425]. Категории, изначально принадлежавшие здравому смыслу, были с помощью интеллектуализации подняты до уровня чего-то постоянного и нерушимого, они стали „трюками человеческого мышления, придуманными нами способами избежать хаоса в быстром течении чувственных наблюдений" [McDermott, 1968: 425].

Традиция Галилея в современной науке, несмотря на свои сугубо интеллектуальные мотивы, не предпринимала попыток выйти за рамки фактов и, возможно, именно поэтому „открыла для нашего увядающего мировоззрения неожиданное пространство для практической деятельности" [McDermott, 1968: 426]. В этом случае Джеймс также рассуждает как последовательный прагматик: философская стадия критицизма более последовательна в своём отрицании, чем научная стадия, которая не предоставила никакого пространства для практической деятельности. Учения Локка, Хьюма, Беркли, Канта и Гегеля были абсолютно пустыми, ибо до сих пор они не смогли объяснить деталей функционирования природы, и мы не можем назвать ни одного открытия или изобретения, в котором можно непосредственно рассматривать что-либо из их мышления... Удовлетворение, которое они принесут своим последователям, является интеллектуальным, а не практическим и даже при этом мы вынуждены признать, что их влияние на философию, скорее, негативно" [McDermott, 1968: 426].

Итак, мы постепенно сформулировали основные уровни размышления о мире: здравый смысл является наиболее целостным, он первым достиг успеха и „превратил язык в своего союзника" [McDermott, 1968: 426]; критичная наука и философия, хотя и преодолевали этот уровень, но не всегда, в частности последнем

случае это преодоление приносило пользу. Таким образом, Джеймс приблизился к тому, что гораздо позже защищал Файерабенд как гносеологический и методологический анархизм в виде варианта так называемого иронического рационализма. „Сравнивая эти типы мышления для того, чтобы определить какой из них является абсолютно истинным, мы не можем сделать иной вывод. Их естественность, упор на интеллект, пригодность для практики – всё это является доказательствами их истинности, результатом их применения, является тем, что мы пребываем в состоянии сомнения. Здравый смысл является самым лучшим вариантом для одной области жизни, наука для другой, философский критицизм для третьей, но что-либо из этого совершенно истинно в абсолютном смысле, известно лишь самому Господу Богу..., ни одна из гипотез не является более истинной, чем другая в том смысле, что она представляет собой более точную копию действительности. Все они являются лишь способами, с помощью которых мы рассуждаем о действительности; они сравнимы лишь с точки зрения их применения. Единственной по-настоящему истинной является действительность..., действительность, познаваемая с помощью чувств, поток наших наблюдений и эмоций в таком виде, в котором он реально существует” [McDermott, 1968: 427].

Невозможно окончательно и без тени сомнения сказать, какой из этих трёх типов мышления лучше, чем другие, так как нам не хватает универсальной теории истины, основываясь на которой мы могли бы сделать подобный вывод. Понятие истины как „дубликата готовой, данной действительности” [McDermott, 1968: 428], скорее всего, уже навсегда утрачено. Кроме того, одновременное существование трёх типов мышления указывает на то, что, как говорили прагматики, „все наши теории инструментальны, они представляют собой, скорее, ментальные адаптации действительности, чем открытия либо гносеологические ответы на Божественные тайны мира” [McDermott, 1968: 428].

По крайней мере, по мнению Джеймса, прагматизм, если учесть вышеупомянутые обстоятельства, является, прежде всего, теорией истины. Однако он не ищет Истину как нечто, что мы можем найти, если мы будем достаточно терпеливы и сможем выйти за рамки предметов. Истина является собственностью некоторых наших мыслей, истинными являются не предметы, а то, что мы о них думаем. То, что мы о них думаем, является очень сложным и действительно неочевидным.

Если мы скажем, что истинное суждение копирует действительность, мы скажем многое. Интеллектуалы или рационалисты, по мнению Джеймса, рассуждают слишком мало, а истину понимают как статичное внутреннее отношение, считая, что достаточно принять такую же бесспорную идею чего-либо. Если так произойдёт, вы выиграете: „когда вы получите свою бесспорную идею чего-то, то вы убедитесь, что ваша цель достигнута, что вы оказались там, где должны были ментально оказаться, вы соблюли категорический императив и после этого важного успеха рациональных усилий уже ничего не должно произойти, гносеологически вы пребываете в гармонии” [McDermott, 1968: 430].

Там, где заканчивается интеллектуализм, прагматизм только начинается – данными идеями, истинными либо ложными, возможно и не зная этого, мы можем лишь пользоваться, они представляют собой лишь гипотезы. „Истинными являются только те взгляды, которые мы можем усвоить, оценить и подтвердить” ([1], 430) – это можно осуществить только в практической деятельности, только в процессе их использования. Истина данной мысли является не только приписываемым ей бесспорным свойством, которым она обладает. Истина действует в этой мысли. Мысль становится истиной... её истинность в действительности является событием, процессом” [McDermott, 1968: 430].

Поиск истины, по мнению Джеймса, не является задачей интеллекта, хотя в её поиске мы не можем обойтись без интеллекта,

что вызвано, прежде всего, практическими причинами. Истинное мышление является ценным, ценность истинных идей генерируется из их практической важности; говорить о том, что наши убеждения истинны, ибо они ценны, или же они ценны, потому что они истинны, – означает для прагматиков одно и то же. Так как общее понятие истины есть „нечто, что связано со способом, с помощью которого один момент нашего опыта может привести нас к последующим моментам, к которым стоит продвигаться” [McDermott, 1968: 431-432], прагматизм связывает истину не с постоянными свойствами предметов, а с нашим опытом, который постоянно изменяется. Наиболее близким этому понятию является понятие *common sense*, которое мы можем критически анализировать, оценивать и проверять в рамках нашего опыта. Проверка, которая должна быть всегда возможна, не может приводить к фрустрации или противоречиям. „Истина в большинстве случаев основывается на системе доверия” [McDermott, 1968: 433], однако это всего лишь предположение, которое пока никто не подверг сомнению, это как чеки, которыми мы обмениваемся, поскольку мы доверяем своим близким и поскольку предметы существуют и форме своих разновидностей; то, что истинно об одном, является истинным и о другом. Важно и то, что „всё человеческое мышление превратилось в дискуссию” [McDermott, 1968: 435], следовательно, мы должны не только мыслить, но и говорить, наши названия произвольны и мы должны их придерживаться: Авель – это Авель, Каин – это Каин, их невозможно поменять местами.

Джеймс осознавал, что рационалистические критики не сдадутся, истина, по крайней мере, потенциально, имеет множество дубликатов, она всегда воплощается *in rebus*. При этом рационалист будет утверждать следующее: мы не создаём истину, мы её достигаем, она является однозначным отношением, она живёт вне опыта и входит в контакт действительностью. Если для рационалистов истина является *ante rem*, то для прагматиков, по

отношению к действительности она всегда *post rem*. „Абсолютная истинность в том смысле, что никакой будущий опыт не изменит того или иного, является тем идеальным звеном, в котором, на мой взгляд, сходятся все наши временные истины. Этому представлению об истинности соответствует представление, которое имеет абсолютно мудрый человек об абсолютно полном опыте..., однако пока что мы вынуждены жить в соответствии с истиной, которой нам удаётся достичь сегодня и быть готовыми завтра назвать её ложью” [McDermott, 1968: 438]. Истинны появляются из фактов, факты же сами по себе не являются ни истинными, ни настоящими – они просто существуют. „Истина есть функция убеждений, которые в её рамках проявляются и исчезают” [McDermott, 1968: 439].

Рационалист склонен верить в то, что действительность является готовой и дана нам раз и навсегда, прагматик же утверждает совсем иное – в этом смысле речь идёт о процессуальной философии в онтологическом и гносеологическом смысле. Поэтому мы требуем от рационалиста, чтобы он нам сказал, что он называет истиной, при этом он ограничится перифразом, сказав, что истина – это, во-первых, система утверждений, безоговорочно заслуживающих того, чтобы признать их обязательными, или, во-вторых, она представляет собой название для всех суждений, которые мы формируем под давлением какой-либо императивной обязанности” [McDermott, 1968: 440]. Правда, оба требования не только тривиальны, но и не имеют значения – они не говорят ни о чём, что не принял бы и эмпирик, не говоря уже о самой истине. Таким образом, по мнению Джеймса, „в области истины прагматики являются ещё более ярыми защитниками рациональности Вселенной, чем сами рационалисты” [McDermott, 1968: 443].

В этом смысле Джеймс совершенно сознательно, равно как и Пирс до него и Дьюи после него, рассматривает свой радикальный эмпиризм как современную оппозицию декартовскому рационализму. Декарт, картезианство, рационализм и

интеллектуализм войдут, в конце концов, в число устаревших привычек, которые столь дороги профессиональным философам, от которых прагматизм отвернулся раз и навсегда. „Он отвергает абстракцию и неточность, словесные решения, суждения априори, фиктивные принципы, закрытые системы, мнимые доводы и абсолютные истины. Он обращается к конкретике и естественности, к фактам, действиям и власти. Это означает, что эмпирическая тенденция является доминирующей, и что рационалистическая тенденция вышла на второй план. Это означает предоставление свободы возможностям природы, мышлению, направленное против догм, искусственности и постулату окончательному истинности” [McDermott, 1968: 379]. Учителя, занимающие ультрарационалистические позиции – предсказывал Джеймс – станут столь же редкими как дворянин в республике.

Джеймс не прикрывался своей антиинтеллектуалистской позицией. Он постоянно искал аргументы против интеллектуализма. Интеллектуальный подход абстрагируется от того, что для прагматиков самое важное – теории для него не являются инструментами, с помощью которых мы можем быть активны в конкретном мире предметов и событий, а „достаточными ответами на загадки и тайны” [McDermott, 1968: 380]. Джеймс подчёркивал, что „прагматизм освобождает все теории, питает и приводит каждую из них в движение..., он призывает к единичности..., подчёркивает практические аспекты..., отрицает словесные решения, бесполезные вопросы и метафизические абстракции” [McDermott, 1968: 380]. Поэтому он занял воинственную позицию и вооружился воинственными методами по отношению к рационализму. У него нет никаких догм и он не желает их иметь, „он начинает поиск с первых предметов, принципов, категорий, предполагаемой необходимости и следует по направлению к окончательным предметам, результатам, последствиям, фактам” [McDermott, 1968: 380].

Джеймс осознал, что рационалистический метод весьма привлекателен, формулы и законы, которые он формулирует, характеризуются точностью, красотой и необходимой простотой, да так, что в них верится, как в раскрытие неких тайн Всемогущего Господа Бога, они становятся прообразами неких предметов. „Рационализм хорошо чувствует себя лишь при наличии абстракции” [McDermott, 1968: 385]. И лишь позднее, но совершенно во всех случаях, оказалось, что этот метод лишь приблизил нас к тайнам, что ни одна из теорий не является абсолютно истинным описанием действительности, что, по мнению прагматиков, эти рационалистические теории могут быть в некотором смысле полезны, что они могут оказывать инструментальное или функциональное воздействие, помогая нам ориентироваться в нашей современной жизни. Решающее значение здесь имеет человеческий фактор – „независимая истина, истина, которую мы исключительно находим, истина, не поддающееся человеческим потребностям; словом, истина, не подлежащая корректировке, проявляемая повсеместно; рационалистические мыслители полагают, что она существует; однако она представляет собой лишь мёртвый корень живого дерева, а её существование означает лишь то, что и истина имеет своё продолжение, свой срок службы, по окончании которого она может отмереть и закоренеть в человеческой мысли, превратившись в антиквариат” [McDermott, 1968: 384]. Наследие гипертрофированного рационализма в виде богатой коллекции окаменевшего антиквариата заложено в безопасное место – в стереотипы нашего мышления, в склонности мысли, проявляющейся в том, что мы сами позволяем себе плыть по течению обобщений и концептуализации, и таким образом, формировать своего рода *ordo rationis*.

Если рационалист хорошо себя чувствует в присутствии абстракций, то прагматик „связывается с фактами и конкретикой, он наблюдает за истиной в её действии, за отдельными случаями и

лишь затем делает выводы и обобщает” [McDermott, 1968: 385]. Иными словами, используя, скорее, метод индукции, дедукция рассматривается как элегантное и даже, своего рода эстетское средство, однако, в частности если речь идёт о возможности доказать истину о предметах с её помощью, как малоэффективное, даже почти вовсе не эффективное. Истина для Джеймса представляет собой, прежде всего, „родовое название для всех разновидностей ценности деятельности в рамках действительности” [McDermott, 1968: 385], модную идеалистическую философию он рассматривает как *пра-интеллектуалистскую*, он вообще не рассуждает о каких-либо ограничениях в формировании абстракций, „пока с их помощью мы продвигаемся между мелочами и пока они нас к чему-то ведут” [McDermott, 1968: 387].

Если „рационализм примыкает к логике и к небу, то эмпиризм примыкает к внешним ощущениям” [McDermott, 1968: 390]. Джеймс был убеждён в том, что „у прагматизма в самом деле нет каких-либо предрассудков, ограничивающих его догматов, закоренелых канонов, предназначенных для формирования доказательств, что прагматизм абсолютно гениален. Прагматизм принимает во внимание каждую гипотезу, учитывает каждый очевидный факт..., он желает заняться всем, наследовать логику и чувства, считаться даже с самым незначительным, равно как и с самым необычным опытом” [McDermott, 1968: 389-390]. Он будет также считаться с мистическим опытом, „если тот даст практические результаты, он даже будет допускать существование Бога, даже если существует в форме индивидуального факта и его можно найти в этой форме” [McDermott, 1968: 390].

Дилемму в современной философии Джеймс рассматривает как наиболее возвышенное и при этом самое обычное из человеческих стремлений. Философия, хотя и не кормит человека хлебом, но наполняет его сердце смелостью. Философ верит лишь в тот мир, который соответствует его собственной характеристике, „он

доверяет своему темпераменту” [McDermott, 1968: 364]. В этом смысле даже раскол философии на рационализм и эмпиризм не является предметом объективной аргументации. „В философии имеет место противоречие между словами рационалиста и эмпирика, при этом эмпириком мы считаем того, кто учитывает факты и их хаотичное многообразие, рационалист же принимает во внимание абстрактные и незбылемые правила” [McDermott, 1968: 364].

Прагматик знает, что видение мира, которое формируется на почве человеческого мышления, в том числе и философского мышления, имеет множество форм, при этом он отвергает какие бы то ни было предпочтения, касающиеся той или иной формы мышления. Речь идёт о допущении возможности совершенно нового понимания и формирования образа того же самого мира, о его видении, оценка истинности которого основывается на различных типах аргументации. Джеймс утверждал, что с исторической точки зрения, интеллектуализм и сенсуализм являются синонимами раскола в философии на рационалистов и эмпириков, который имеет место сегодня. Рационализм всегда монистический, догматический, более чувствительный, более оптимистичный и чаще всего идеалистический, в целом он учитывает свободу волеизъявления, к этому течению относятся представители гегелианства и прочие философы Абсолюта. Эмпиризм тяготеет к плюрализму, изменчивости, он более непроницаемый и фаталистический, он более скептический и более склонен к дискуссии. Представители обеих групп враждебно относятся к своим соперникам, „их антагонизм формировал философскую атмосферу в те времена и формирует её и сейчас” [McDermott, 1968: 366], считал Джеймс, хотя причины их спора вовсе не обязательно должны были бы склонять стороны к антагонизму, если бы сформировалась по-настоящему критичная атмосфера.

Однако всё говорит об углубляющейся тенденции к современному эмпиризму, к натуралистической или позитивистской

чувствительности, проявлением которой, по крайней мере, во времена Джеймса, должно было стать появление прагматизма. Хотя абсолютизм и содержит в себе нечто восхищающее, „философы-рационалисты, проявлявшие склонность к абсолютизации, оказались на таких вершинах абстракции, что уже никогда не смогут спуститься на землю” [McDermott, 1968: 368]. Они живут в мраморном храме, который блестит в лучах солнца на горе и которому чужд разнообразный, запутанный и полный страстей мир единичного опыта. „Мир, к которому они нас ведут, чист и благороден. В нём вовсе нет противоречий повседневной жизни. Его архитектурный стиль – классический... С позиции фактов такая философия не объясняет нам реальную жизнь, она лишь дополняет её, являясь классической святыней, и будет она таковой до тех пор, пока рационалистическое творчество способно защититься от запутанного и готического многообразия чистых фактов. В данном случае речь не идёт о копировании Вселенной, а о её замене, о страхе, о том, как скрыться от неё” [McDermott, 1968: 369]. Сущность такой философии совершенно чужда сущности конкретной экзистенции, а для истинных или же радикальных прагматиков наиболее важной является конкретная позиция.

Рационалистический дух переполнен слегка суровым удовлетворением. Также понимание действительности Лейбницем, по мнению Джеймса, слабо, а от оптимизма рационалистов веет пустотой, его представители строят системы, а системы должны быть закрытыми, что при этом их системы не вступают в контакт с закрытой действительностью и с самой Вселенной. Субстанциалисты интеллекта оперируют тенями и концептуализируют их в форме трансцендентальных объектов. Истину же может познать только тот, кто живёт и чувствует по-настоящему. У нас не столько много времени, чтобы анализировать столь невероятные системы. Рационалистическое философское меню, возможно, и выглядит аппетитно – оно написано возвышенным языком с размалёванными

буквами, но на самом деле с его помощью невозможно насытиться. Закрытые философские системы стремятся создать образ Вселенной, Джеймс же, не колеблясь, называет создаваемые ими образы карикатурами. Они убоги, поскольку слишком отделились от реальной жизни, в их перспективе жизнь вообще была утрачена. Они не могут и не хотят углубляться в какую-либо форму этого мира.

Философию можно рассматривать также как „исследование либо формирование видения целостности мира” [McDermott, 1968: 406]. Мир на самом деле лишь один – тот, который окружает нас и тот, что находится в нас, тот, в котором мы живём, где разыгрываются драмы и трагедии нашей жизни. Мы ведь не можем согласиться с тем, каков он, как он выглядит, что находится за его пределами и существует ли нечто, что могло бы его превзойти. Для прагматиков как настоящих, радикальных или убеждённых эмпириков единство мира не входит в противоречие с его внутренней структурой, с его разнообразием, многогранностью – она не ослепляет их, они видят его многообразие, отдельные факты, разнообразие опыта не воспринимается ими как фикция, которой ничего не соответствует. Для рационалистов единство мира является абстрактной, мистической, она является чем-то высшим, и мы не всегда можем сказать, чем именно. „Забывая обо всём остальном, они говорят о нём как о принципе, они восхищаются и преклоняются перед ним, интеллектуальное же их развитие полностью останавливается” [McDermott, 1968: 406]. Возможно, Джеймс чрезмерно драматизирует, обижая при этом рационалистов, но для меня он является источником вдохновения, ибо он рассуждает открыто и не скрывает своей аргументации.

Мир один, по крайней мере, как предмет мыслей и высказываний; возможно именно здесь скрывается тайна его поляризации или плюрализма. Наиболее значительные достижения интеллектуалистической философии не нуждаются в сложности и разнообразии, отсутствии остроты, гибкости и неточности повседневного языка, которая больше всего соответствует *common*

sense. Сознание, Разум, Абсолют, Вечные Идеи и подобные вещи образуют совершенно другой мир – наш мир, если они и уделят ему внимание, представляет собой лишь его отголосок, неточную копию, имитацию. Джеймс как психолог рассматривает этот мир как нечто, что является продуктом нашего чувства неуверенности в этом сложном, нестабильном, враждебном для нас мире, с которым мы боремся каждый день. То, чего нам не хватает в этом мире, мы ищем в вымышленном мире иллюзорной уверенности. Тогда, когда он нам по-настоящему помогает приобрести эту иллюзорную уверенность, он не представляет собой ненастоящий мир, по крайней мере, не в прагматической перспективе. Только в лучах его блеска мы не должны забывать о том, кем мы являемся на самом деле.

Summary

The author of the article presents the analysis of the pragmatic position or the classic pragmatists' position concerning rationality and rationalism. Such position is explained with reference to substantialist thinking interpreted by rationalism which manifests itself not only in the contemporary philosophical thought though.

Most attention has been focused on the philosophical conception of W. James.

- [1] McDermott, J. J. (ed.). 1968. *The Writings of William James. The Modern Library Edition*. Random House, Inc. New York.
- [2] Mullinon, R. P. 1996. *Pragmatizme a o inom*, in: *Filozofia*, 51, nr 8.